

УДК 130.3

И.В. Черданцева

Заведующая кафедрой социальной философии, онтологии и теории познания Алтайского государственного университета

Понимание онтологических возможностей поэзии в философии А. Шопенгауэра.

Understanding of the ontological possibilities of poetry in Schopenhauer's philosophy.

Аннотация. Цель данной работы заключается в выявлении специфики понимания онтологических ресурсов поэзии в философской концепции А. Шопенгауэра. Автор статьи приходит к выводу о том, что онтологический статус поэзии в учении немецкого философа прямым образом определяется связью поэзии с миром как волей, а именно, с ближайшей и непосредственной ступенью объективации воли – миром идей. В отличие от понятий, идеи не могут быть познаны с позиций мира как представления, и для их постижения человеку необходимо развивать способность интуитивного созерцания реальности, проявляющую себя в различных видах искусства и художественного творчества, среди которых поэзия занимает особое место благодаря своей возможности постижения и выражения идеи человека.

Ключевые слова: поэзия, онтологические возможности поэзии, представление, воля, понятие, идея.

Abstract. The purpose of this article is to reveal the specifics of understanding of the ontological resources of poetry in the philosophical conception of Arthur Schopenhauer. The author comes to the conclusion that the ontological status of poetry in the teaching of the German philosopher is directly determined by the connection between poetry and the world as a will, namely, this status is determined by the connection between poetry and the nearest and immediate level of objectification of will - the world of ideas. Unlike concepts, ideas cannot be understood from the standpoint of the world as a representation. A person needs to develop the ability of intuitive contemplation of reality to comprehend the ideas. This ability is manifested in various forms of art and artistic creativity, among which poetry occupies a special place due to its ability to comprehend and express the idea of a man.

Keywords: poetry, ontological possibilities of poetry, a representation, a will, a concept, an idea.

Хотя поэзия интересует философско-эстетическую мысль, начиная со времен античности, предметом специального философского исследования она становится только в неклассической западно-европейской философии XIX века.

Немецкий романтизм является одним из первых философских направлений, которое придает огромное значение поэзии и считает ее высшей формой философствования, выделяя тем самым ее гносеологическое, познавательное содержание. Такая высокая оценка поэтического творчества связана с тем, что представители немецкого романтизма, в частности, Фридрих Шлегель, полагают, что важнейшая задача философии – это изучение жизни как единой и целостной реальности, в которой соединяются сверхчувственные и чувственные начала, природный и метафизический миры. Фридрих Шлегель даже предлагает ввести термин «философия жизни», для которой должен потребоваться новый язык, поскольку традиционный язык философских понятий и категорий не в состоянии выразить жизненное переживание, и этим новым языком должна стать поэзия. А. Шопенгауэр в определенной мере продолжает традиции немецкой романтической философии в осмыслении специфики поэзии, однако особенно интересно то, что он, помимо познавательной функции поэзии, обращает внимание на ее онтологические возможности.

Для того, чтобы раскрыть эти возможности, следует обратиться к основным философским идеям А. Шопенгауэра, а затем показать, каким образом и почему эти идеи определяют онтологический статус поэзии.

Прежде всего, размышляя над вопросом о том, может ли человек познать существующую реальность, Шопенгауэр вслед за Кантом отвечает на этот вопрос отрицательно, утверждая, что человек может лишь познавать свое представление о мире, ограниченное такими априорными формами, как пространство, время, причинность и разделение мира на субъект и объект познания. Априорные, доопытные формы представления, характеризующие познавательную деятельность всех представителей вида *homo sapiens*, являются тем барьером, который отделяет любого человека от истинного знания реальности. Разъясняя априоризм И. Канта, Бертран Рассел приводит очень удачную иллюстрацию этой мысли, говоря о том, что, когда мы с вами надеваем на себя солнцезащитные очки, мы начинаем видеть мир в другом цвете, и точно также, когда человек рождается, на него как будто бы надеваются очки пространства, времени, каузальности и субъект-объектного разделения мира, которые не позволяют человеку получить истинное знание о мире. В отличие от солнцезащитных очков, которые человек всегда может снять, «очки» априорных форм представлений при познании мира снять невозможно. Поэтому А. Шопенгауэр и начинает свою книгу «Мир как воля и представление» со слов о том, что когда человек начинает задумываться о мире, то «для него становится тогда ясным и несомненным, что он не знает ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий его мир существует лишь как представление, т.е. исключительно по отношению к другому, к представляющему, каковым является сам человек» [1, с. 54].

Отсюда следует, что мир как истинный, как вещь-в-себе, непознаваем. Эту мысль первоначально высказывает Кант, и Шопенгауэр ее поддерживает. Однако, в отличие от Канта, он делает еще один шаг вперед, задавая вопрос о

том, есть у человека еще какая-то связь с истинной реальностью, не связанная со сферой знания? И Шопенгауэр находит эту связь, обращаясь к жизни человека в целом, указывая на то, что человек – это не только познающая структура, но и живое чувствующее существо, определенное своими желаниями и стремлениями (среди которых желание бытия является первичным) в большей степени, чем рациональным интересом к себе и миру. Получается, что с истинной реальностью человека связывает не сфера знания, а сфера бытия, которая на уровне человеческого существования находит свое самое яркое выражение в иррациональном характере волевых проявлений индивида. Люди всегда чего-то хотят, причем они знают, чего они желают в каждом конкретном случае, но они не знают, почему они всегда чего-то желают, и как остановить этот бесконечный процесс желаний.

Но воля является не только сердцевиной человеческого существа, она еще, согласно Шопенгауэру, является сердцевиной мира. Воля сама по себе как первичная реальность безусловна, безусловна, свободна и едина, она выражает себя в виде различных ступеней объективации мира, обусловленных ей и зависимых от нее. Самой низшей ступенью являются физические силы природного мира, затем идут объекты неживой природы, затем – живые организмы, растения и животные, и высшая ступень объективации воли – это человек. При этом только на уровне человека возникает разум и мир как представление, но, само собой разумеется, что разум не является самостоятельной субстанцией, а есть лишь порождение воли.

Помимо воли и перечисленных ступеней ее объективации, имеющих опосредованный характер, по мнению Шопенгауэра, есть еще непосредственная ступень объективации воли, которая ближе всего находится к воле в онтологическом плане, и которую Шопенгауэр называет миром идей. В отличие от опосредованных ступеней объективации, определенных на уровне представления через пространство, время, причинность, идеи вечны, внепространственны, не обусловлены разумом и не могут быть познаны с его помощью. Для того, чтобы к ним приблизиться, человеку необходимо отказаться от использования априорных форм представления и открыть в себе такую способность, которая является способностью интуитивного созерцания реальности. Развитие этой способности приближает человека к воле в ее собственном бытии, и освобождает его тем самым от человеческой индивидуальной воли как бесконечной и бессмысленной жажды желаний.

Но возникает вопрос о том, как развивать эту способность, и в каких сферах человеческой деятельности она обнаруживается? С точки зрения Шопенгауэра, это различные виды искусства и художественного творчества. В эстетическом опыте человек упраздняет себя как индивидуальную волю, преображается в «чистый глаз мира» и погружается в созерцание объекта, минуя априорные формы представления и забывая самого себя и потребности своего «Я».

Поэзия является одним из таких способов интуитивного созерцания реальности: «...ее цель – раскрывать идеи, ступени объективации воли и передавать их слушателю со всей той отчетливостью и живостью, как их

постигла душа поэта» [1, с. 243]. Причем следует обратить особое внимание на то, что пределы сферы поэзии для передачи идей чрезвычайно широки: она может изображать всю природу, идеи всех ступеней объективации воли. Однако, если говорить об изображении низших ступеней объективации, то изобразительное искусство превосходит поэзию, потому что бессознательная и чисто животная природа способна раскрыть свою сущность даже в одном моменте своего существования. Напротив, «человек, поскольку он высказывается не одним лишь своим обликом и выражением лица, но и цепью поступков и сопутствующих им аффектов и мыслей, - человек составляет главный предмет поэзии, с которой в этом отношении не сравнится никакое другое искусство, потому что ей приходится здесь на помощь поступательное движение, чуждое изобразительным искусствам» [1, с. 245]. Следовательно, великим замыслом поэзии является, по мнению А. Шопенгауэра, раскрытие той идеи, которая выступает как высшая ступень объективации воли, – идеи человека в связной цепи его стремлений и поступков.

Однако, говорит А. Шопенгауэр, с человеком нас знакомят «и история, и опыт». Но история и опыт, изучая человека в конкретном пространстве, времени и причинно-следственной связи поступков, в лучшем случае могут предложить нам понятие человека, а не его идею. А идея человека отличается от его понятия в онтологическом смысле. Понятие человека будет выводиться на основании изучения отдельных индивидов и выявления их общих свойств, оно будет связано с миром как представлением, а идея человека существует всегда, до появления любого конкретного индивида, и она связана с миром как волей. И поэзия обращается к идее напрямую. Поэт схватывает идею, сущность человечества, вне всяких отношений, вне пространственных форм, вне времени, - «адекватную объектность вещи в себе на ее высшей ступени» [1, с. 245].

Следовательно, человеку, стремящемуся «познать человечество в его идее, в его внутренней сущности, тождественной во всех проявлениях и в развитии ... произведения великих бессмертных поэтов раскроют картину гораздо более верную и отчетливую, чем это могут сделать историки, потому что даже лучшие из них далеко не выдаются как поэты, а руки у них к тому же связаны. Взаимоотношение между ними в этом смысле может быть пояснено следующим сравнением. Просто чистый историк, работающий только на основании данного материала, подобен человеку, который безо всякого знания математики посредством измерения случайно найденных фигур исследует их отношения, отчего его эмпирические выводы страдают всеми ошибками начерченных фигур; напротив, поэт подобен математику, который конструирует эти отношения а priori, в чистом созерцании, и выражает их не такими, как они действительно начертаны в данной фигуре, а такими, каковы они в идее, которую должен представлять чертеж» [1, с. 246-247]. Поэзия имеет значительное преимущество перед историей, потому что именно в ней «гений держит перед нами зеркало, в котором все существенное и важное является собранным воедино и при ярком освещении, все же случайное и чуждое устранено» [1, с. 248], «ведь поэт вообще – это всечеловек: все, что только

волновало когда-нибудь сердце человека и что в разные моменты воссоздает из себя природа человеческого духа, все, что живет и зреет в человеческой груди, все это – его сюжет, его материал, а кроме того – и вся остальная природа» [1, с. 249].

Таким образом, ценность поэзии, согласно А. Шопенгауэру, заключается в том, что она служит для познания и выражения идеи человечества как внутренней сущности человека. Именно поэтому поэзия является не только способом постижения мира, но и способом выражения воли как начала сущего и бытия, что и позволяет сделать вывод об онтологических возможностях поэзии.

Библиографический список

1. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. / А. Шопенгауэр. – М., «Московский клуб», 1992. – 395 с.